

коего ограниченного периода Человека Классического, который окружен с обеих сторон эпохами Человека Неклассического в его разных репрезентациях, древних и современных.

Однако в целом антропологическая рефлексия и теория далеко отстали сегодня от антропологической реальности с ее ускользящей динамикой, радикальными и явно опасными трендами. Человек живет сегодня в большой неясности касательно своего собственного облика и происходящих с ним перемен. Усилия его разума – включая и наиболее значительные, которыми мы обязаны мысли Делеза и Фуко, – пока представляют собой, увы, скорее симптомы его обеспокоенности, чем успешные попытки достичь целостного понимания себя, изменившегося и продолжающего меняться. Но ведь тогда, пожалуй, эти усилия еще более необходимы? Необходимо собирать, накапливать зерна понимания в чайнии будущего синтеза... Именно так мы смотрим на деятельность семинара и развитие нашего направления. В семинаре мы говорим о прошлом опыте, обзреваем поле актуальной антропологической проблематики, и хотя отнюдь не проводим догматической «направленческой» линии, но в свете понятий и идей синергичной антропологии нам все же становятся ясными некоторые выводы². Мы видим необратимость отказа от классического образа Человека, стоящего на концептах сущности и субъекта, и все отчетливее убеждаемся, что назревшие изменения антропологического дискурса должны быть коренными и кардинальными, трансформирующими не только его идейный фонд, но также методологические и эвристические основания, природу и статус антропологии, ее роль и место в системе знания.

Постчеловеку гуманитарная сфера не нужна вообще или же нужна в некоей ублюдочной, немислимой для нас сегодня форме. Это значит, что вся судьба этой сферы определяется, тем самым, антропологическими факторами. Данный факт – только новейшее, гротескное проявление исконного и универсального обстоятельства: в основании любого гуманитарного дискурса лежат ан-

² Оценивая выводы и результаты деятельности семинара, надо учитывать, что в данный сборник не включены доклады по двум из его главных тем: о духовных практиках и о философско-методологических основаниях антропологического опыта. Материалы заседаний по этим темам составили содержание специального выпуска журнала «Точки – Puncta» (№ 1–4, 2007).

тропологические предпосылки, лежит зависимость от антропологии. Эта зависимость не была особо существенна, пока Человек оставался неизменной величиной; но сегодня это заведомо уже не так. В новой ситуации указанная зависимость должна быть от-рефлектирована и должна наконец найти явное и адекватное выражение. Вполне очевидно, каким должно быть это выражение: антропология должна составить собою основоустройство сферы гуманитарного знания, выступить ядром новой эпистемы для этой сферы. Но путь к этому уже далеко не очевиден. Ясно лишь, что «философская антропология», которая конституируется как суб-дисциплина, составная часть философского дискурса, заведомо непригодна для этой цели.

Эти задачи мы много, пристально обсуждаем на нашем семинаре. Как нам представляется, синергичная антропология способна внести заметный вклад в их решение.

Сергей Хоружий

Синергийная антропология как научный фонд семинара и эпистемологическая программа

Заседание № 1 – 11 мая 2005 г.

Хоружий С.С. По свойствам места, всякое начинание, совершающееся в стенах Института философии, требует философской рефлексии. Рефлексия же не дает повода для большой гордости или энтузиазма. Думаю, стены этого здания видели сотни любых мыслимых семинаров, открытых и закрытых, широких и узких, и полагать, что открывая еще один семинар, мы сегодня свершаем нечто великое или хотя бы значительное, довольно самонадеянно. Скорее, рефлексия приближает к состоянию Татьяны: «Стыдом и страхом замираю»... гм... – но семинар всё ж открываю.

Название нашего семинара чрезвычайно общее, и таким оно выбрано сознательно. Мы не хотели с самого начала как-либо ограничивать, сужать проблематику нашей работы, тем не менее имеется определенное направление, которое для семинара играет особую роль и которое, не исчерпывая его тематики, все же будет в центре нее.

Семинар будет вестись Институтом Синергийной Антропологии – соответственно, именно **синергийная антропология** есть тот исходный научный фонд, который предполагается развертывать в семинарской работе. В этом смысле было бы можно сказать, что мы открываем семинар «Феномен человека с позиций синергийной антропологии – многообразие – а также и с других позиций». Синергийная антропология - направление свежее, недавно возникшее и вряд ли известное широкой аудитории. Поэтому в первую очередь мне следует его кратко описать.

I. Синергичная антропология как исходный научный фонд семинара

По содержанию я выделил бы два краеугольных камня синергичной антропологии и затем в качестве половинки добавил бы к ним ещё некое методологическое и эпистемологическое содержание. Синергичная антропология в итоге представится стоящей на двух с половиной краеугольных камнях. Архитектура сомнительная, но у явлений живых, в динамике бывает и не такое...

Первый краеугольный камень, с которого начинало развиваться наше направление, – это **православный исихазм**. Многомерное, тщательное изучение этого антропологического, культурного и духовного феномена послужило тем исходным ростком, фундаментом, который породил из себя научное направление, названное синергичной антропологией. Прежде всего мы рассматривали исихазм как антропологическое явление. Как мне представлялось, в своих духовных и мистических сторонах изучение этого явления должно совершаться по преимуществу служителями Церкви, людьми духовенства и монашества. Полное, углубленное исследование этих сторон, казалось мне, не должно ставиться чисто научной задачей.

Почему исихазм стал краеугольным камнем нашего антропологического подхода? Недавно в Москве Вячеславом Всеволодовичем Ивановым был создан научный центр, названный Русской антропологической школой. Название очень удачное, но и весьма обязывающее, если учесть, что на момент создания в стенах РГГУ этой школы русская антропологическая школа уже существовала около тысячи лет, и основали её преподобные Антоний и Феодосий Печерские. В их духовной деятельности были истоки русского исихазма, и именно они же были истоками особой антропологической школы, практического антропологического искусства, которое в своих первоистоках развивалось еще несколькими веками раньше в египетских, коптских, палестинских землях. С первых же десятилетий русского христианства оно начало свой самостоятельный путь в России. Это и была русская антропологическая школа. Именно так мы посмотрели сегодня на это явление, и оно послужило для дальнейшей антропологической работы базой данных. Мы нашли в исихазме обширнейший феноменологический массив. Еще прежде его научных интерпретаций и обобщений он заслуживает интереса

и внимания сам по себе. Поэтому первая значительная часть нашей работы посвящена была тому, чтобы просто реконструировать эту традицию, ее наследие собственно как они есть.

Исторический путь исихастской традиции был своеобразен. Многие столетия она пребывала в забвении и упадке, а в России когда и не пребывала в упадке, то оставалась вне просвещенной культуры и пользовалась вниманием скорее в простонародных слоях, чем в рафинированной культуре вестернизированной России XIX–XX столетий. Поэтому просто вернуть эту традицию в поле зрения современного культурного сознания еще до препарирования ее всяческими научными методами уже было достаточно важной задачей. Однако затем, в русле синергичной антропологии, это явление выступило и в гораздо более общей и научно продуктивной функции.

Исихастская практика выступила для нас как первый проанализированный детально пример «предельной» стратегии человека – такой, которая ориентирована к горизонту человеческого существования. Это – стратегия размыкания человека к «инобытию», в силу чего она одновременно является *мета-антропологической* стратегией.

В качестве второй ключевой особенности исихазм выступил для нас как пример практической *энергичной* антропологии: такой, которая рассматривает человека не со стороны его субстанциально-сущностного состава и не в терминах отвлеченных категорий, но энергично, как совокупность всевозможных энергий, как некоторую организованную систему проявлений.

Далее мы выяснили, что весь процесс исихастской практики представляется как путь целостного преобразования человеком самого себя в своих энергиях, тем самым – как классическая «*практика себя*», в терминах Фуко. Человек идентифицирует себя как определенную совокупность проявлений: телесных, психологических, эмоциональных, интеллектуальных – и с этой полной системой начинает активную работу, целенаправленно преобразуя её. Для этой цели он должен осуществить не просто зоркую интроспекцию, но и определенную артикуляцию, определенное окачествование себя как энергичного существа. Прежде всего человек находит, выбирает некоторую систему характеристик для своих энергичных проявлений. С помощью этих характеристик он констатирует для начала, что его проявления рассеяны: они все куда-то направляются, реали-

зуют какие-то всевозможные цели, крупные и мелкие, постоянные и сиюминутные; и пока человек не начал заниматься собой, этот крайне гетерогенный набор проявлений и целей представляет собой раздробленность, разнесенность по всем возможным направлениям.

Затем начинается систематическая работа с этими проявлениями, со всем их полным набором. Человек ставит перед собой особую цель, в достижении которой антропологический горизонт встречается с мета-антропологическим; и эта цель для него уясняется, обретает отчетливость на основе определенной религиозной традиции, в которую встроено его существование и его духовное самосознание. В случае исихазма это христианская, православная традиция. Путь к цели есть то, что называется «*духовная практика*» – всецелая аутотрансформация, преобразование человеком всего множества своих энергий, которому надлежит возвести постепенно человека к соединению с иным горизонтом бытия.

Человек обнаруживает на опыте, что достичь такой цели возможно, лишь следуя некоторой весьма сложной и строгой методике. Оказывается, что в антропологической школе, какой является духовная практика, человек должен решить целый ряд проблем, с точки зрения научного разума относящихся к философии, герменевтике, психологии. Чтобы осуществить нужную аутотрансформацию, человек должен развить весьма тонкие правила обращения со своими энергиями. Эти правила складываются в обширную, сложно устроенную систему, которую синергичная антропология именуется по-аристотелевски «органомом», что означает полный канон правил организации, проверки и истолкования духовного опыта.

Если таковой органон наличествует и исполняется, то можно ручаться, что путь, проходимый человеком, и приобретаемый им опыт есть реальная аутотрансформация, проходящая верифицируемые по-своему ступени и достигающая той мета-антропологической цели, которая была поставлена с самого начала. Такая духовная деятельность может претендовать на то, что это вполне удостоверяемая стратегия, и опыт ее не принадлежит к области субъективных иллюзий и неопишуемых экстатических состояний, как это обычно утверждалось о мистическом опыте представителями позитивистского сознания.

Нашей задачей было описать и проанализировать путь духовной практики, его строение. Уже первыми исихастами-пустынниками открыто было, что этот путь носит характер последовательного

продвижения-восхождения и членится на отчетливо выделяющиеся ступени. Поэтому первый же систематический трактат, где эта практика была описана, носил название «Лествица»; он был, как известно, написан в VII в. св. Иоанном Лествичником в монастыре св. Екатерины на Синае.

Ближайшее рассмотрение пути обнаруживает, что он необходимо включает в себя три большие части или же три вида работы. Прежде всего должен быть совершен отрыв, выход из сферы обычных стратегий обыденного эмпирического существования. Человек здесь осознает, что та работа, к которой он приступает, не направляется ни к какой цели в горизонте эмпирического бытия, а ориентирована к выходу за эти пределы. Вслед за тем наступает главное: человек должен выработать некоторый способ, механизм, который предоставлял бы ему возможность подниматься по Духовной Лестнице, восходить от одной ступени на другую. Это работа по выстраиванию своего рода антропологического и мета-антропологического движителя, который давал бы человеку возможность подниматься вверх. Как у Аристотеля в качестве главного концепта в описании мироустройства выступает некоторый Перводвижитель, так и для онтологического, а не просто антропологического подъема по Духовной Лестнице также необходим движитель. В исихастской традиции этот движитель создается путем специфического взаимного сопряжения, соединения двух активностей: дисциплины внимания и особого рода молитвенной дисциплины, а именно – непрестанного творения Иисусовой молитвы. Вслед за созданием движителя наступает этап приближения, подступов к Инобытию, когда происходят уже действительные изменения, в первую очередь перцептивные перестройки – так называемое «отверзание чувств». Здесь человек сумел уже сделать себя полем действия благодати, «прозрачным для благодати», как выражается традиция¹.

¹ Ввиду технических погрешностей, из записи далее выпали описания второго «краеугольного камня» синергийной антропологии – концепта Антропологической Границы, а также последнего, «двухполовинного» камня – трансдисциплинарной «эпистемостроительной» методологии, трактующей все дискурсы в сфере антропологической реальности на базе их связи с Антропологической Границей и в терминах антропологических энергий и проявлений. Отсылаем читателей к книге С.С.Хоружего «Очерки синергийной антропологии» (М., 2005), в которой подробно изложены указанные вопросы. Выпала также часть следующего, заключительного раздела сообщения С.С.Хоружего, поэтому стенограмма напечатана с пропусками.

II. Задачи и планы семинара: Синергичная антропология как эпистемологическая программа

[...] Я надеюсь, что мы сможем осуществлять в нашем семинаре работу постепенного выхода к новой эпистеме для сферы гуманитарного знания: к *антропологически фундированной* эпистеме. Подход синергичной антропологии включает в себя и вырабатывает в себе элементы универсальной методологии, которая обладает «эпистемостроительными» потенциями. То касается каждого из гуманитарных дискурсов, мы, во-первых, характеризуем его в терминах антропологических проявлений. Выделяем определенный класс проявлений, с которыми работает данный дискурс, и находим набор специфических свойств этих проявлений. Затем, во-вторых, мы устанавливаем связь этого класса проявлений с Антропологической Границей. В общем случае они, разумеется, не принадлежат непосредственно Границе; но могут иметь с ней связь. Эта связь, в свою очередь, может быть разной, и синергичная антропология описывает ее с помощью специально вводимых понятий – «примыкающие», «ассоциированные», «участные» *антропологические стратегии*. И, наконец, в-третьих, мы полагаем эту найденную связь в основу новой формулировки соответственного дискурса, как для синхронических, так и для диахронических его предметных структур. Такова примерная схема; и, конечно, в ее применении к конкретному материалу гуманитарного знания не должно быть жесткости и догматизма.

Подходы, выходы к антропологически фундированной эпистеме сегодня явно на повестке дня во многих руслах, многих предметных областях. В широком контексте сегодняшней научной ситуации синергичная антропология – это частный ручеек, частная логика, которая тоже ведет к этой магистральной эпистемологической задаче. И самое желательное здесь для нас – чтобы семинар стал рупором, форумом, площадкой этого актуального эпистемологического движения. Ценный пример другого подхода к магистральной задаче – подхода, уже реализованного в капитальных разработках, – являет наследие Мишеля Фуко. Блестяще представленные Фуко история безумия, история наказания, история сексуальности – классические образцы истории, переводимой в антропологическую перспективу, истории, строимой *sub specie*

anthropologiae. В нашем контексте это усилия, возникшие в другой логике, но решающие ту же задачу (и к тому же предметно, содержательно сделавшие куда больше, чем успела сделать пока синергийная антропология).

Наконец, стоит заметить, что в работе нашего семинара будет проводиться не только трансдисциплинарный, но и кросскультурный взгляд. Программа семинара мыслится кросскультурно и антиидеологично. Как мы уже говорили, в истоках программы, подхода синергийной антропологии – исихастские отцы, в частности, в России – преподобные Антоний и Феодосий Печерские. Однако к предшественникам синергийной антропологии можно относить и святого Бернарда Клервоского, и Эразма Роттердамского, в сочинениях которых мы тоже обнаруживаем синергийные принципы. Говоря словами Пастернака, пути синергийной антропологии оказываются воздушными путями, идущими поверх барьеров. И, заканчивая, я выскажу пожелание, чтобы работа семинара шла тоже воздушными путями и поверх барьеров. Это поэтические формулы, но в мировой культуре русская поэзия закрепила себя прочней и бесспорней, чем русская философия. Благодарю за внимание.

Сосланд А.И. Философская работа, как Вы о ней говорите, представляется как работа с сакральными практиками и практиками, так или иначе ведущими к изменению сознания. Но многие подобные практики скомпрометировали себя. Не станет ли здесь философия аналогом наркотика?

Хоружий С.С. Безусловно, область духовных практик сопрягается, тесно граничит с той, которую психология называет областью измененных состояний сознания. В современной культуре эта последняя область необычайно широка, она включает в себя самые разнородные явления, которые притом описываются в крайне приблизительном, размытом научном словаре. Одни возникающие школы и группы характеризуют себя как духовные традиции с развитыми органами (если использовать нашу терминологию), другие – как современные психотехники, и между ними существует спектр всех промежуточных вариантов. Именно поэтому вся эта область не удовлетворяет наш подход методологически и эпистемологически: с наших позиций, ее словарь концептуально неудовлетворителен, базируется на смещениях и наложениях.

Мне очень понятно, отчего в контексте психологической и психотерапевтической работы возникают такие смешения и наложения. Психотерапия заинтересована в исцелении, а не в том, насколько методологически строги применяемые средства. Но наш подход принципиально другой. Поэтому здесь не только нельзя принимать на веру самохарактеристики и терминологию самих групп, применяющих соответствующие практики, но даже и дискурс научной психологии, занимающейся измененными состояниями сознания, также неудовлетворителен. И я решительно отмежевываю сферу синергийной антропологии от этой психологической территории и обозначаю её как территорию смежную, но не ту же самую.

Для того и развивается теория Антропологической Границы, чтобы появилась возможность различения того, что здесь смешивается. *Многообразные явления, которые в психологии одинаково квалифицируются как измененные состояния сознания, в синергийной антропологии разнятся по существенно разным областям.* Как правило, смешиваются явления, относящиеся к онтологической топике (граница «бытие – инобытие») и к топике бессознательного (граница «сознание – бессознательное»). К сфере измененных состояний сознания, то есть «границе» сознания, принадлежит и то, и другое, разумеется. Но мы имеем возможность четко сказать, что граница сознания и граница человеческого существования не вся однородна, она состоит из существенно различных участков, причем эти различия мы характеризуем предметно и конструктивно. Наша задача состоит в различении и локализации: рассматриваемым явлениям мы даем «топическую привязку», локализуя их в определенных топиках Антропологической Границы, и за счет подобной локализации между ними возникают различия. Работа синергийной антропологии должна вестись на территории теорий измененных состояний сознания – для того, чтобы разные предметные исследования в этой области разложить по нашим топикам, дать им корректную локализацию на Границе. Если угодно, мы должны оказывать методологическую помощь этим предметным областям.

Зинченко В.П. Сергей Сергеевич, Вы подчеркиваете все время православные корни синергийной антропологии и соответствующих ей духовных практик. Но есть еще восточные духовные практики, есть Игнатий Лойола. И у каждого из них есть свои пути